«Эдгар По всю силу своего воображения, богатого, неистощимого, направил на возбуждение чувства ужаса. Творчество По – не бессознательное, а точно рассчитанное, опирающееся на литературную технику, в которой этот писатель является великим мастером. Тут у По очень тонкие приемы: он чуждается выдумок, небывальщины, сказочности и открывает страшное и чудесное в обыденных вещах, предметах и событиях, в обычных, окружающей нас действительности, в обыкновенных, повседневных чувствах. У него всё обставлено точно, фактически, почти научно. Подкупив этой обыденностью, фактичностью, реализмом читателя, По незаметно для него делает скачок в область фантастического, чудесного, страшного, открывает это страшное как её закон, как нечто, органически с ней связанное. Искусство Эдгара По, таким образом, носит на себе признаки обдуманности, культуры, ума. Но оно не заражало бы, если бы По не была свойственна такая же стихийная, горячая фантазия, какая свойственна была Лонгфелло. А творчество По отличается именно чрезвычайно сильной заражаемостью.

Естественен вопрос: почему именно эпоха развития американского капитализма дала такого гения в изображении или внушении именно чувства невообразимого ужаса? Чтобы понять это, следует припомнить, что и английская, и французская литературы имеют талантливых представителей изображения того же ужаса, в лице Стевенсона и Вилье де Лиль Адана. Значит, здесь влияют условия, свойственные всем капиталистическим странам в той или иной мере. И сразу же следует заметить, что мера тут иная, чем в Америке; дело не в том здесь, что Стевенсон и Вилье де Лиль Адан, при всей их талантливости, не достигают гениальной виртуозности Эдгара По – и они, как и он, изображают с большим искусством страшное в обыденном, - а в том, что у них нет-нет да и обнаруживается сатирическое отношение к собственным вымыслам; они как будто просто обличают темные стороны буржуазной жизни; этого у По совершенно нет.

Психология ужаса создается капиталистической житейской обыденностью, очевидно, именно потому, что капитализм, при всех своих индивидуалистических тенденциях, - не царство свободы, а царство необходимости, арена торжества стихии, которой человеческая личность вынуждена невольно подчиняться, в силу неотвратимых экономических и социальных условий. И если везде эта стихийность чувствуется остро, то нигде это чувство не достигает такой высоты, как именно в Америке с её колоссально быстрым и мощным порывом вперёд, с переработкой различных национальных элементов, с колоссальной территорией и различными природными особенностями её отдельных частей. Преодолеть и переработать, подчинить своему сознанию и воле этот колоссальный и разнообразный экономический, этнический, социальный и природный, естественноисторический материал в Америке было труднее, чем где-нибудь. Его стихийная мощь чувствовалась здесь сильнее. Она и нашла себе здесь высшее художественное выражение.”

Н.Рожков. **Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики).** Т.9. Производственный (аграрный и промышленный) капитализм

в Западной Европе и внеевропейских странах. М.: книгоиздат.товарищество "Книга", 1924. С.334-335.